

Евгений Деменок

Проступают сквозь время черты...

Новое о Людмиле Кузнецовой-Бурлюк

Незаслуженно забытые имена...

Хотя – разве есть кто-то, забытый заслуженно?

И тем не менее особенно обидно, когда пелена забвения скрывает детали судьбы людей талантливых и даже известных. Словно и не было их творчества, поисков и находок, словно не звучали их имена со сцены, не были опубликованы в книгах или каталогах выставок живописи и графики. «Поэты второго ряда», «художники третьего ряда»... Зачастую их судьбы интереснее тех, кто из «первого ряда».

Заниматься поисками забытых страниц их жизни, утерянных фактов биографии – удовольствие сродни чтению увлекательного детектива. Хотя – не чтению, ты сам становишься тем самым детективом, который идет по следу. Любые находки – огромная радость, а особенная удача – когда после первых публикаций тебе вдруг приходит письмо от очевидца тех событий, человека, который общался вживую с теми, кто уже стал для тебя легендой.

Три года назад я написал цикл статей, ставших впоследствии книгой «Новое о Бурлюках». Основой книги стал прежде не изученный пражский архив семьи Фиала-Бурлюк, сохранившийся в семье потомков младшей сестры Давида Бурлюка – Марианны, вышедшей в 1922 году замуж за чешского художника Вацлава Фиала. А толчком для поиска стал, как всегда, интерес к открытию новых деталей биографий людей, связанных с Одессой. На этот раз это была Людмила Бурлюк, старшая из сестер Давида Давидовича, которая вместе с ним участвовала в XVII и XVIII выставках картин Товарищества южнорусских художников в 1906 и 1907 годах. На XVII выставке ТЮРХ вместе с ними выставил свой этюд и Владимир Бурлюк, учившийся вместе с Давидом

в Одесском художественном училище в 1910-1911 годах и живший с ним в доме по Преображенской, 9, почти напротив училища. Трое Бурлюков были членами ТЮРХа, а Давид Давидович окончил в 1911 году Одесское художественное училище по II разряду и получил диплом. Интересно, что по первому разряду в том же году училище окончили: Константин Бондаренко, Радион Габриков, Тимофей Кравченко, Симха Симхович, Моисей Шпарберг и Иван Шульга. Помнит ли кто-нибудь сегодня эти имена?..

Как ни удивительно, информации о Людмиле Бурлюк, поступившей в 1902 году в Академию художеств в Санкт-Петербурге и там познакомившейся со своим будущим мужем, скульптором Василием Кузнецовым, тоже было до обидного мало. В 1908 году, после рождения первого сына Ильи (Давид Бурлюк приводит дату его рождения в своих «Фрагментах из воспоминаний футуриста» – 7 сентября), она забросила живопись и уже не принимала участия ни в знаменитых «Салонах Издебского», в которых были представлены работы Давида, Владимира Бурлюков, их матери Людмилы Иосифовны Михневич и даже одиннадцатилетней Надежды Бурлюк (в секции детских рисунков), ни в других выставках, на которых представляли свои работы Бурлюки. Бенедикт Лившиц написал о ней в «Полутораглазом стрельце»:

«Кроме Давида и Владимира художницей была старшая сестра, Людмила. Ко времени моего приезда в Чернянку она вышла замуж и забросила живопись. А между тем десятки холстов в манере Писсарро, которые мне привелось там видеть, свидетельствовали о значительном таланте. Братья гордились ею, хотя еще больше ее наружностью – особенно тем, что на каком-то конкурсе телосложения в Петербурге она получила первый приз. Младшие дочери были еще подростки, но библейски монументальны: в отца».

Лившиц впервые приехал в Чернянку, административный центр принадлежавшего графу Мордвинову Чернодолинского заповедника, которым управлял с 1907 по 1914 год глава многочисленного семейства Бурлюков Давид Федорович, в декабре 1911 года. После этого о Людмиле – лишь несколько строк в биографии и отсутствие точной даты смерти.

Благодаря счастливой находке пражского архива мне удалось заполнить многие белые пятна в биографии Людмилы Давидовны

Кузнецовой-Бурлюк. По мере написания частей книги я публиковал их в различных изданиях, связанных с искусством, и к моменту окончания верстки книги получил письмо из Лос-Анджелеса от соседа Людмилы Давидовны по ленинградской коммунальной квартире, Григория Романовича Ильмера. Это было настоящим чудом – спустя столько лет пообщаться с очевидцем, ведь они соседствовали в одной квартире в 1946-1955 годах.

Я закончил тогда книгу словами: «Свидетели той эпохи уходят – тем важнее сейчас любые воспоминания очевидцев».

И вдруг спустя два года после выхода книги, в апреле 2015 года, я получил письмо, начинающееся этими же словами. Вот оно:

«Уважаемый Евгений Леонидович!

Прочитал Ваш труд «Новое о Бурлюках» и споткнулся на последней фразе – «Свидетели той эпохи уходят – тем важнее сейчас любые воспоминания очевидцев». Я некоторым образом отношусь к последним, и посчитал своим долгом написать Вам то небольшое, что я знал, и, самое главное, запомнил.

Давид, Марианна и Людмила Бурлюк. 1962 год

Я, Барсук Евгений Львович, 1937 г. рождения, брат Владимир, 1931 г. рождения, отец – Барсук Лев Соломонович и мать – Дравнек Магда Мартыновна (фотография на стр. 31 Вашей книги). Наша семья два предвоенных года жила в Ленинграде в коммунальной квартире по адресу: ул. Чайковского, 24, кв. 4. Обычная ленинградская коммуналка – 7 ответственных квартиросъемщиков, в числе которых и семья Ильмеров. Жил ли в то время в этой квартире Кирилл Васильевич Кузнецов и Людмила Давидовна, не помню. Мама действительно в это время работала в ТРАМЕ (Театре рабочей молодежи. – Е. Д.), отец был директором Ленэстрады. Война все изменила – отец с 23 июня 1941 г. младший политрук стрелковой роты, мы с мамой как семья комсостава за неделю до блокады эвакуированы в Удмуртию. За войну наша семья распалась: отец остался в армии в Свердловске, у него появилась новая семья. Мы с мамой в августе 1946 г. вернулись в Ленинград. Работы в театрах не было, жили на то, что присылал отец на наше содержание – 500 руб. в месяц. Буханка хлеба на базаре в то время стоила около 100 руб. Летом 1947 г. нас с братом отправили в Свердловск, к отцу. Помню, что на вокзале нас провожали мама и Кирилл Васильевич (Кузнецов, сын Людмилы Кузнецовой-Бурлюк. – Е. Д.).

Кирилл Васильевич воевал, на невском «пяточке» был ранен в ногу. Говорил, что это спасло ему жизнь, из всей его роты (200 человек) в живых осталось только пятеро. Жена Кирилла Васильевича умерла от туберкулеза, дети – Олег 1937 г. рождения и Алексей 1935 г. рождения – жили у родителей жены в Аркадаке. Гриша Ильмер (Григорий Романович Ильмер, другой сосед Людмилы Кузнецовой-Бурлюк по ленинградской коммунальной квартире. – Е. Д.) ошибается, утверждая на стр. 197 (книги «Новое о Бурлюках». – Е. Д.), что Олег – старший сын. Кирилл Васильевич после войны жил в нашей коммунальной квартире. Людмила Давидовна, вероятно, тоже жила с ним в этот период. Об этом говорят портреты углем мамы и Кирилла Васильевича, датированные апрелем 1947 года. Жизнь в послевоенном Ленинграде была тяжелой, постоянной работы не было. Кирилл Васильевич брался за все, что подворачивалось, – писал задники декораций для разных театров, делал макеты. Помню изумительный по своей точности макет санитарного вагона, изготовленный для какого-то

Автопортрет Людмилы Кузнецовой-Бурлюк
из коллекции Ноберта Евдаева, США

медицинского музея в Ленинграде. У Кирилла Васильевича и мамы были похожие вдовьи судьбы, дети, близкие театральные профессии и интересы. Когда летом 1949 г. я вернулся из Свердловска в Ленинград, то была уже новая семья – Кирилл Васильевич с мамой, я с Олегом и Людмила Давидовна. Алексей оставался в Аркадаке, а Володя окончил школу и уехал в Свердловск поступать в институт.

В октябре 1948 года в Ашхабаде произошло катастрофическое землетрясение, город был разрушен, погибло 70 тыс. человек. В Ленинграде с работой было по-прежнему тяжело, и Кирилл Васильевич вылетел в Ашхабад, где нашел работу художника в восстанавливаемом театре оперы и балета. Позднее он вызвал в Ашхабад маму,

и она работала там чтицей в филармонии. Олега отправили в Аркадак, а Людмилу Давидовну оставили со мной в Ленинграде.

Наша совместная, стар и млад, жизнь длилась 2 или 3 года, точно не помню. Людмила Давидовна много писала. Мы ходили с ней в Русский музей и в Эрмитаж. Она разъясняла мне, чем характерен тот или иной художник, что значит в картине свет и как трудно его писать. Рассказывала, что в Санкт-Петербургскую Академию художеств она поступала вместе с Давидом, и он первый ей позвонил и радостно поздравил с зачислением. А на вопрос – а ты поступил, он ответил – «...нет, это ты поступила, я не поступил...». В академии она училась по классу Серова. Говорила, что была знакома с Маяковским, но он ей не нравился. Особенно мне запомнились наши походы в летний сад. Все лето, почти

каждый день, я носил мольберт и краски, а Людмила Давидовна писала решетку и ворота летнего сада, а сбоку вековую липу. За лето окончить полотно не успели, отложили на следующее лето. Через год пришли, а липы-то и нет, спилили из-за старости. Помнутся и другие работы. «Полонез» – вереница аристократических пар на балу. Рисунок, наверное углем, размером листа А3 или А4, иллюстрация, как говорила Людмила Давидовна, к произведениям Пушкина. На рисунке внутренность церкви, вид с амвона, множество прихожан, как положено, мужчины отдельно, женщины отдельно, и вдруг среди мужских фигур узнаешь фигуру Пушкина. Небольшого роста, курчавый, очень узнаваемый. Мне это показалось шедевром. Но надо было жить, точнее, выживать. Поэтому по заказу модных дам Людмила Давидовна изготавливала им «брюссельские кружева» на воротники и обшлага. Секрет был прост – на кусок батиста тонкой струйкой фигурно выдавливалась белая краска, которая, застывая, создавала иллюзию кружев, почти неотличимую от оригинала. Население «попроще» заказывало «картину», чтобы повесить над кроватью. Сюжет был стандартным: озеро, камыши, лебеди, луна, иногда ангел сбоку. Картина выполнялась на материале заказчика – байковом одеяле.

Наконец приехали из Ашхабада Кирилл Васильевич с мамой, и Людмила Давидовна начала писать мамин портрет. К сожалению, закончить его она не смогла, сказала, что она не полностью понимает внутренний мир мамы. Зато портрет тети Лиды (сестры мамы) полностью удался. Богатый внутренний мир мамы – это, конечно, театр. Не имея возможности в Ленинграде работать в театре, она выезжала на периферию и там вместе с Кириллом Васильевичем создавала свой театр. Кирилл Васильевич был художником и исполнителем декораций, мама – постановщиком и режиссером. В качестве актеров к ней добровольно приходила молодежь, рабочие, студенты, а еще ранее мы, школьники. В 8 классе я сам играл купца в маминой постановке пьесы Островского «Не все коту масленица». Зимой 1953 года мама осуществила свою мечту – поставила пьесу Островского «Гроза», в которой когда-то играла Катерину. 9 января 1954 года мама со своей труппой на полуторке выехала по Ново-ладожскому каналу на гастроли (была предвыборная кампания, и их использовали

на выборных участках). Машина попала в полынью, все спаслись, кроме мамы и шофера. После похорон я не мог оставаться в Ленинграде, и отец забрал меня в Свердловск. Кирилл Васильевич опять остался в одиночестве, но, как мне потом рассказывал Олег, ненадолго. Он опять женился, потом еще раз женился. Ваша информация на 197 стр. (книги «Новое о Бурлюках. – Е. Д.), что у Кирилла Васильевича было три жены, неточна. У Олега я со своей женой (Ирина Борисовна Желобина) был, вероятно, в 1967 году. В разговоре с нами Олег сказал: «...из всех жен отца Магда Мартыновна была самым порядочным, интеллигентным, теплым человеком...». В этот приезд были мы и у Кирилла Васильевича. Узнав, что мы с женой собираемся в Прагу, он сказал, что в Праге живет Людмила Давидовна, и дал нам ее пражский адрес.

До Праги мы добрались в конце января 1968 года. В Праге уже давно жила сестра моей жены (Галина Борисовна Ванечкова) с семьей. Поскольку мы с женой не знали Праги, то попросили Галю проводить нас, подождали, пока она освободится, и вместе пошли по указанному адресу. Дверь нам открыл молодой мужчина (Владимир Фиала), который, увидев нашу сопровождающую, очень удивился. Такое же выражение мы увидели на лице Гали. Оказалось, что они хорошо знают друг друга, так как вместе работают на философском факультете Карлова университета. Пройдя в дом, мы объяснили хозяевам цель своего визита. Нам ответили, что Людмила Давидовна вчера умерла. Говорили с нами холодно и официально, но вскоре стало понятно, что меня принимают за внука Людмилы Давидовны, и что Кирилл Васильевич и родные внуки не проявляли интереса и внимания к жизни Людмилы Давидовны. Когда ситуация прояснилась, тон изменился, и меня спросили, приду ли я на кремацию. Я ответил утвердительно. Через некоторое время мы с женой получили приглашение в семью Фиалы. По дороге к ним у нас сломалась машина, и мы опоздали к назначенному времени. Мы с женой очень волновались. Но не было ни слова замечаний. Марианна Давидовна и пан Фиала встретили нас приветливо и шикарно накрытым столом. После застолья: «У нас есть портрет вашей матушки...». Это был рисунок углем, датированный 7 апреля 1947 года. Представляете, какая радость? Рядом был такой же портрет Кирилла Васильевича. Я попросил

оба, сказав, что портрет мамы – это для нас, а портрет Кирилла Васильевича я передам ему при первой okazji. Все согласились и говорят: «...пойдемте, мы вам покажем работы Людмилы Давидовны». Работ было очень много, но знакомых, памятных для меня работ не было. Большинство из них 60-х годов. Нам предложили выбрать себе то, что понравилось. Мы выбрали две небольшие работы: «Ваза с цветами на подоконнике» 1964 г. и «Вид из окна» 1965 г. Хотелось взять больше, но неудобно было пользоваться ситуацией, учитывая моральную и материальную ценность работ Людмилы Давидовны для ее близких родственников. Портрет Кирилла Васильевича я передал ему, когда был в командировке в Ленинграде.

Особой радости он не высказал и, если бы я знал это раньше, то оставил бы портрет себе. Кстати, на стене его квартиры я увидел знакомый по детству «Полонез».

На стр. 41 Вашей книги приведена «Интересная деталь...» относительно приезда в Прагу внуков Людмилы Давидовны «...почти сразу после смерти Людмилы Давидовны...». При встречах с Олегом и Кириллом Васильевичем никто из них не говорил о такой поездке или даже о возможности ее. А встречался я последний раз с Кириллом Васильевичем значительно позднее смерти Людмилы Давидовны. Вероятно, за внука Людмилы Давидовны приняли меня. Я был в семье Фиала на следующий день после смерти Людмилы Давидовны. Был на ее похоронах и поминках. Однако никаких разговоров о еврействе Давида Давидовича не было, да и быть не могло, так как я по отцу еврей.

Людмила Кузнецова-Бурлюк. Ваза с цветами
Картон, масло. 1964

Следующий эпизод с картинами Людмилы Давидовны связан с моей тетей Лидой. Она врач, и как военнообязанная вынуждена была остаться в блокадном Ленинграде. В декабре 1941 года от голода умерла ее дочь (моя двоюродная сестра), летом 1942 года в поезде, уже за пределами блокадного кольца, умерла от дистрофии ее мать (моя бабушка), а в оккупации был убит ее отец (мой дед). Тетя Лида добилась направления в действующую армию и дошла со своим госпиталем до Кенигсберга. После войны осталась служить в армии, а выйдя на пенсию, жила в Зеленограде, под Ленинградом. Была очень больным человеком. При нашей встрече (вероятно, 1975-1976 гг.) она отдала нам два больших портрета (свой и мамин). Портреты у нее хранились в рулонах и потребовали серьезной реставрации. Моя жена нашла профессионалов на кафедре реставрации Академии художеств И. Глазунова в Москве. Портреты были отреставрированы, этапы реставрации сфотографированы.

Людмила Кузнецова-Бурлюк. Портрет Магды Дравнек. Холст, масло, 1951-53

Вот коротко вся известная мне информация о Людмиле Давидовне и ее творчестве.

С уважением, Барсук Е.Л., Желобина И.Б.».

Сказать, что, прочитав это письмо, я был поражен, – ничего не сказать. Почти семьдесят лет спустя нашлись очевидцы тех лет, люди, жившие рядом с Людмилой Давидовной...

Конечно же, я сразу начал листать «Новое о Бурлюках», обращая внимание на замечания Евгения Львовича. Фото на тридцать первой странице начало наполняться жизнью. Теперь понятно, что слева – Магда Мартыновна Дравнек. Но что за дети на руках у нее и у Людмилы Давидовны? И я написал Евгению Львовичу новое письмо. Вот что он ответил:

«Фотография на стр. 31 для меня загадка. То, что слева моя мама, а справа Людмила Давидовна, я не сомневаюсь. Но когда сделана фотография и чьи на ней дети – мне непонятно. Неясно, и где сделана фотография. Такого дивана не было ни у Кирилла Васильевича, ни у нас. Я вышлю Вам одну из фотографий мамы, чтобы Вы могли сами сравнить фото на стр. 31 с фотографией моей мамы...»

Немного позже супруга Евгения Львовича, Ирина Борисовна Желобина, уточнила его слова:

«Уважаемый Евгений Леонидович! Пытаюсь сохранить время Е. Л., отвечаю на технические вопросы по переписке. На стр. 31 справа – Л.Д. Бурлюк, слева мама М.М. Дравнек. Мы пытались определить время съемки, сравнивая с другими фотографиями мамы... Ничего определенного сказать не можем о времени их общения с Людмилой Давидовной. Дети не Барсуки, и, как утверждает Е. Л., не Кузнецовы. Но я думаю, что здесь он может ошибиться. Мама выглядит молодо, может быть, 39-41 годы, Алеше, Олегу соответственно 5 и 3 года. О присутствии Людмилы Давидовны в те годы на ул. Чайковского Евгений Львович сказать ничего не может. Дети по возрасту подходят. Может быть, Людмила Давидовна бывала или жила здесь, помогая Константину Васильевичу еще до войны. Но на этот вопрос уже никто не ответит. Может быть, Вы где-нибудь встретите ответ».

Наша переписка продолжилась и далее. Евгений Львович рассказал о себе и прислал фотографии работ Людмилы Давидовны, хранящихся в их семье. Вот их перечень:

Людмила Кузнецова-Бурлюк. Портрет Алиды Дравнек. Холст, масло, 1951-53

«У меня имеется 5 работ Людмилы Давидовны: (1) портрет моей мамы (36×27 см, рисунок углем), подписан и датирован 07.04.1947 г.; (2) портрет тети Лиды (90×75 см, масло), не подписан и не датирован, но я помню, как тетя Лида позировала, портрет создан в интервале 1951-1953 гг.; (3) портрет мамы (67×86 см, масло), не подписан и не датирован, создавался, как мне кажется, в 1951-1953 гг., по словам Людмилы Давидовны, не закончен; (4) натюрморт «Ваза с цветами» (65×40 см, масло), подписан и датирован 1964, в левом нижнем углу имеет дефект – оторван небольшой кусочек; (5) этюд «Вид

из окна» (51×48 см, масло), подписан и датирован 1965».

Безусловно, самая интересная работа – портрет Магды Мартыновны Дравнек, фото которого до и после реставрации прислал Евгений Львович. Его можно сравнить с фотографиями Магды Мартыновны, также присланными Евгением Львовичем (на одной из них она в роли Катерины в пьесе Островского «Гроза», на другой – за несколько месяцев до гибели, фото сделано в конце 1953 года).

Прекрасно выполнен портрет тети Лиды – Алиды Мартыновны Дравнек. Привезенные из Праги работы типичны для пражского периода творчества Людмилы Кузнецовой-Бурлюк – во время визита в Прагу Марианна Бурлюк рассказала Евгению Львовичу и Ирине Борисовне, что эти работы Людмила Давидовна рисовала, сидя в своей комнате в большом доме семьи Фиала.

Когда я был в пражском доме семьи Фиала, Ольга Фиалова, невестка Марианны Бурлюк (жена ее сына Владимира), рассказала мне о том, что у Людмилы Давидовны Кузнецовой-Бурлюк было четверо сыновей. О первом сыне, Илье, упоминает Давид Бурлюк.

О Кирилле мы узнали больше из писем Григория Романовича Ильмера и Евгения Львовича Барсука. Какова же судьба еще двух сыновей Людмилы Давидовны и Василия Васильевича Кузнецова? В ответ на мой вопрос Евгений Львович написал:

«Теперь о Людмиле Давидовне. Она рассказывала мне о своей сестре, которая живет в Праге, о своем брате Давиде Давидовиче, который живет в Америке и создал музей Рериха. Связей у нее в то время с ними не было. Как я сейчас понимаю, в то время связи с родственниками за границей не приветствовались. О своих детях, кроме Кирилла Васильевича, я от нее никогда не слышал.

Думаю, что по Интернету можно поискать Олега. Вот пока и все».

Я нашел в Интернете информацию о младшем сыне Кирилла Васильевича Кузнецова – Олеге Кирилловиче. Он родился в 1937 году в Аркадаке Саратовской области – том самом Аркадаке, в который уехала в 1918 году Людмила Давидовна, – подальше от ужасов революции и гражданской войны. Живет в Санкт-Петербурге, по профессии – архитектор, окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. Является членом Союза архитекторов России.

Какова же судьба двух остальных сыновей Людмилы Давидовны Кузнецовой-Бурлюк? Ольга Фиалова говорила, что они погибли во время Великой Отечественной войны. Каковы были их имена и судьбы? Это нам еще предстоит узнать. Я написал письмо Олегу Кирилловичу Кузнецову и надеюсь получить ответ.

Людмила Кузнецова-Бурлюк. Портрет Магды Дравнек. Уголь. 1947